

Пока в покоях императора царил весенняя атмосфера, у князя Цзиньань и верховного воеводы Чжана нависли тучи.

В нынешней ситуации предложение сделать супругу Хуэй императрицей могло вызвать недовольство.

Род Чжанов был одной из самых влиятельных семей Великой Янь, и если углубиться в историю, их происхождение можно проследить до времён императора Цзин предыдущей династии, и к настоящему моменту они процветали уже более двухсот лет. В нынешнее время верховный воевода Чжан командовал значительными войсками, а супруга Хуэй с юных лет служила в резиденции наследного принца.

С точки зрения князя Цзиньань, если новый император хочет быстро укрепить свой трон, привлечение на свою сторону семьи Чжанов было бы разумным шагом. Однако, похоже, у императора были другие планы, и он не хотел использовать влияние семьи Чжанов для укрепления своей власти.

Князь Цзиньань был крайне обеспокоен, поглаживая бороду, он вздохнул:

— Его величество молод и горяч, он ещё не понимает опасностей политики.

Сяо Юйцун, услышав это, усмехнулся:

— По моему мнению, это связано с тем, что его судьба слишком удачлива. С детства всё шло гладко, он привык к лести и выработал высокомерный характер, поэтому и ведёт себя так.

— Дерзость, — даже перед собственным сыном князь Цзиньань не стал сдерживаться и холодно напомнил:

— Его величество — государь, как ты можешь его порицать?

Сяо Юйцун, недовольный, хотел возразить:

— Отец...

Сяо Юйцун был тем, кто действительно был молод и горяч. Слушая слухи, он действительно поверил, что новый император — это пустая оболочка, украшенная вышивкой. Он не понимал, что любой, кто смог занять трон, не был простым человеком.

— Уходи, — князь Цзиньань холодно взглянул на него, не позволив произнести ни слова.

Сяо Юйцун, не имея выхода, с неохотой проглотил свои слова, быстро поклонился и ушёл.

А у верховного воеводы Чжана всё было спокойно, он читал книги и пил чай, словно не его дочь лишилась возможности стать императрицей.

Его жена, услышав об этом, вздыхала, боясь, что дочь не выдержит сплетен, и хотела навестить её во дворце.

Верховный воевода Чжан поставил чашку чая, легонько постучал по столу и остановил жену:

— Сейчас нельзя.

— Но наша дочь... — Жена, хотя и переживала за дочь, не могла послушаться мужа, оказавшись

в затруднительном положении.

Верховный воевода Чжан снова сделал глоток чая, наслаждаясь моментом, без тени беспокойства:

— Если она не сможет преодолеть это испытание, значит, ей действительно не суждено стать императрицей.

В парчовой мешочке была записка, в которой было написано «Небесная судьба» или «Императорская воля», но для понимающих людей всё было ясно. Новый император не отверг прямо предложение сделать супругу Хуэй императрицей, чтобы не вступить в открытый конфликт с князем Цзиньань и не унижать семью Чжанов.

Слова «Небесная судьба» скрывали глубокий смысл, они были не только отговоркой для отказа супруге Хуэй, но и предупреждением знатым семьям и дворцовой знати. Как бы ни были недовольны два старых министра, на этот раз Сяо Юйшань вышел победителем.

Даос Цаньян и его ученик провели ночь во дворце, император с искренней преданностью к даосизму провёл ночь в беседах с Чу Циюнем, обсуждая учение даосизма.

Когда последняя капля воды упала в водяные часы, вызвав лёгкую рябь и тихий звук, наконец, на востоке начало светать. В обычное время евнух Ван уже зевал бы, но сегодня всё было иначе — он даже не смел моргнуть.

Император предупредил, что если пропустит даже муху, то ответит за это.

Внутри продолжалась суета, и только на рассвете всё стихло. Евнух Ван, прошедший через множество испытаний, одиноко стоял в коридоре, его лицо было неподвижно, словно он превратился в деревянного человека.

Вскоре дверь открылась, и вышел человек в серо-голубой одежде, с аккуратно уложенной причёской, только у висков оставалось несколько прядей волос. Этот молодой даос был красив и обладал возвышенной аурой, совсем не похожим на человека, способного смутить императора.

Увидев евнуха Вана, он вежливо поклонился, проявляя смирение, но не показывая ум, что делало его действительно умным человеком, и неудивительно, что он завоевал расположение императора. Евнух Ван, видя всё это, тоже поклонился Чу Циюню с уважением, а затем проводил его.

После того как он проводил Чу Циюня, евнух Ван поспешил вернуться с докладом. Сяо Юйшань уже проснулся и лениво спросил изнутри:

— Он ушёл?

— Даос Цаньян ещё спит, а Чу Циюнь ушёл, не потревожив его, — евнух Ван сразу понял скрытый смысл слов императора, и его ответ, хотя и не совсем по теме, попал в точку.

Сяо Юйшань вдруг усмехнулся, многозначительно указав на него:

— Ты самый хитрый.

Хотя император так сказал, в его словах не было упрёка, евнух Ван это понял, но всё же сделал

вид, что извиняется, склонившись. Однако, наклонившись, он краем глаза заметил нечто странное в одежде императора...

Оказалось, что в какой-то момент верхняя одежда из высококачественного шелка превратилась в обычную хлопковую рубашку, немного большую по размеру, свободно свисающую на Сяо Юйшане.

В одно мгновение ещё не рассеявшаяся интимная атмосфера снова окутала его, и даже самый невнимательный человек понял бы, в чём дело.

Евнух Ван мгновенно осознал всё, но, понимая это, сделал вид, что ничего не заметил, и не проронил ни слова.

Сяо Юйшань, всегда внимательный к деталям, конечно, понял, что тот заметил смену одежды. Если бы здесь был Ань Фэн, он бы наверняка начал расспрашивать, но евнух Ван молчал, что показывало его мастерство в общении с людьми.

Кроме того, рубашка Чу Циюня была действительно слишком велика, свободно свисая на Сяо Юйшане, что придавало ему несколько худощавый вид. Пальцы незаметно скользили по ещё тёплому рукаву, и Сяо Юйшань снова вспомнил только что произошедшее...

Чу Циюнь проснулся первым, сказав, что на рассвете нужно поспешить обратно, чтобы не беспокоить учителя. Сяо Юйшань хотел предупредить его быть осторожным в пути, но, взглянув, заметил, что тот надел его рубашку, и рассмеялся, шутя:

— Что, увидел хорошую вещь и сразу забрал, совсем не стесняешься?

Чу Циюнь, ещё сонный, не заметил этого, но, услышав слова Сяо Юйшаня, понял. Однако вместо того чтобы снять рубашку, он спокойно надел её:

— Хорошие вещи нужно забирать домой.

Эти слова были наглými, но Чу Циюнь не моргнул глазом, завязал пояс и, несмотря на то что рубашка была мала, плотно надел её. Сяо Юйшань не стал с ним спорить и тоже надел рубашку Чу Циюня, скрывая следы их ночных утех.

Чу Циюнь поспешно одевался и причёсывался, а Сяо Юйшань, опершись на изголовье кровати, наблюдал за ним, его яркие глаза с лёгкой улыбкой излучали двусмысленность.

Перед уходом Чу Циюнь убрал распущенные волосы Сяо Юйшаня за ухо, большим пальцем погладил остатки румянца под глазами и вдруг наклонился, легонько поцеловав его в лоб.

Тёплые губы коснулись лба, словно лёгкое прикосновение, но в них была скрыта нежная привязанность. Сяо Юйшань, казалось, жаждал этого тепла, схватил руку Чу Циюня и шутливо сказал:

— Что делать, снова не хочу отпускать тебя.

— Это возможно, — Чу Циюнь поднял полу своей одежды и уверенно сел на императорскую кровать. — Ваше величество, просто назначьте меня императрицей, и я никогда не уйду.

— Уходи, — этот человек был действительно бесстыдным, и Сяо Юйшань не удержался, чтобы не пнуть его, не сильно, но с определённой силой.

Чу Циюнь, получив пинок, чуть не упал с кровати, но не упустил возможности подшутить — стабилизируя себя, он схватил лодыжку Сяо Юйшаня и медленно погладил, вызывая невидимые искры:

— У тебя ещё есть силы? Значит, я плохо служил.

Сяо Юйшань снова пнул его, на этот раз нога, скрытая под слоями одежды, намекающе коснулась чувствительного места:

— Ты не можешь стать императрицей, но если хочешь сопровождать меня, можешь стать учеником евнуха Вана.

— Ваше величество, вы действительно не пожалеете?

— Почему я должен жалеть?

Услышав это, Чу Циюнь сделал вид, что очень расстроен, и, подражая позе Сицзы, сказал:

— Говорят, что быть рядом с государем — это как быть рядом с тигром. Я думал, что ваше величество не такой, но теперь понимаю, что это правда.

— Если не уйдёшь, скоро рассветет, — Сяо Юйшань, видя, что он готов начать долгий спор, понял, что не сможет его переубедить, и остановил его. Если дать ему возможность говорить, он может спорить до полудня, придумывая бесконечные нелепые теории.

Только тогда Чу Циюнь покорно замолчал и вышел из спальни.

<http://bllate.org/book/16210/1455321>